

УДК 821. 162.1 (092 Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ)

**АПОКАЛИПСИС В ТРИЛОГИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО
«ХРИСТОС И АНТИХРИСТ»**

Шумская Лилия Михайловна,

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
(г. Гродно, Беларусь)

Статья посвящена исследованию апокалиптических мотивов в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист». В ней рассматривается вопрос о влиянии христианских представлений об Апокалипсисе на образную систему трилогии, выявляется авторская интерпретация традиционной библейской символики.

На рубеже XIX–XX веков, в эпоху социальных, идеологических и эстетических преобразований особую актуальность приобретает вопрос о смысле не только жиз-

ни, но и истории, о роли личности в историческом процессе. Мирощущению эпохи оказываются одинаково близки религиозно-философские искания, апокалиптическое видение мира. Философия Апокалипсиса порождает эсхатологические настроения и творчества Д.С. Мережковского.

В «Записной книжке» 1891 года писатель указывает на обострение страха смерти и подчеркивает, что это качество становится основным в художественной литературе Л. Толстого, Г. Ибсена, Э. Золя: «Теперь душа человеческая испытывает еще дотоле неведомые содрогания ужаса, лицом к лицу с мраком и холодом смерти» [1, с. 351]. Он начинает изучать мировые религии, истории, культуры и приходит к выводу, что вся история человечества пройдена и пришло время заняться религией.

Особая роль в этом процессе принадлежит трилогии «Христос и Антихрист». Согласно концепции Мережковского история циклична. Императорский Рим, Рим эпохи Возрождения и «третий Рим» – Московская Русь – общее пространство вселенской мистерии. Все главные герои трилогии (император Юлиан, Леонардо да Винчи и царь Петр I) несут на себе печать Антихриста.

Автор «Христа и Антихриста» цитирует христианские представления об Апокалипсисе св. Иоанна Богослова, пророчеств Даниила, Евангелия, Послания Апостолов, старообрядческой духовной литературы. Отбор и смысловая направленность библейских реминисценций, настойчивая повторяемость сюжетных ситуаций и религиозных символов обнаруживают авторскую субъективность. Так, в романах трилогии повторяется ситуация богословских споров. В «Смерти богов» – это собрание предводителей христианских сект, в романе о Леонардо да Винчи – спор схоластов в Милане, в «Антихристе» – дискуссия раскольников. Идея цикличности подчеркнута и в утверждении Мережковского: «На мужичьем соборе в Ветлужских лесах спорили почти так же, как четырнадцать веков назад, во времена Юлиана Отступника, на церковных соборах при дворе Византийских императоров» [2, с. 666].

В «Христе и Антихристе» реализуется концепция писателя, основой которой становится личностное совершенствование в стремлении к надысторическому идеалу Христа. В поиске идеала он обращается к антиномии: Христос и Антихрист. Мережковский считает, что ценности христианства и язычества, воплощенные в категориях «Царства Небесного» и «Царства Земного», метафизически разорваны, и в их будущем соединении – полнота религиозной истины. Образ Леонардо да Винчи становится для писателя воплощением идеи подобного синтеза. Джованни видит, как стоит Леонардо да Винчи «в небесах, одинокий и радостный; стая белых голубей, воркуя, теснится у ног его; доверчиво садятся ему на плечи, на руки, на голову» [3, с. 463]. Тот же Джованни с ужасом слушает миф послушника Швейница о пришествии Антихриста и представляет, как «возьмет учитель великие крылья, устроенные хитростью божьей, и вознесется на небо, окруженный учениками своими, и полетит» [2, с. 133].

Неоднократно воспроизводится в трилогии и миф о недолгом царстве на земле Антихриста накануне Страшного суда. Особенно много подобных аллюзий в последней части трилогии – романе «Антихрист (Петр и Алексей)». Это и сон царевича Алексея, когда ему снится, как народ, падая ниц, поклоняется «Зверю», и сцена, когда Софья уговаривает Тихона «гореть», и многочисленные сравнения Петра I с Антихристом. Как известно, в народном сознании, особенно в среде старообрядцев, Петр I воспринимался как главное орудие Сатаны – Антихрист. Вся деятельность Петра I соответствовала многим предсказаниям Апокалипсиса. Перепись населения воспринималась как «уловление душ Антихристом», новые титулы также легко соотносились с эсхатологическими представлениями, не говоря уже о введении иноземных обычаев. А в рассказе старицы Виталии о путешествии царя «в немцах» оживает старообрядческая легенда о подмене царя: «Бысть государь Петр Алексеевич и хо-

дил в Стеклоанное царство и был тамо 7 лет, тамо и пропал без вести, а вместо его вышел в Россию жидовин от колена Данова» [4, с. 351]. В проповеди Корнилия представлены почти все аргументы раскольников, обосновывающие, почему подмененный царь – Антихрист. Даже фейерверк, устроенный царем, он называет знамением, ибо Антихрист «день во тьму претворяет и ночь в день, и луну и солнце в кровь, и сводит огонь с небеси», а рекрутское клеймо на руке беглого солдата толкуется им как «печать Антихриста».

К Апокалипсису восходит у Мережковского и символ «Красной Смерти». Согласно христианской эсхатологии, царство Антихриста должно погибнуть в очистительном огне. В духовном стихе говорилось: «Сошлет Господь грозных ангелов, // Ангелы с небес полетят, // В утробе огня снесут, // Зажгут землю с четырех сторон // И выгорит земля на тридесять локоть» [5, с. 19]. Вот почему в предметном мире романа такое природное явление, как гроза с громом и молнией, выполняет у Мережковского функцию знамения в общем-то традиционную для Библии. Сцена, в которой Петр разбирает икону на части и объясняет «плутовскую механику» церковников окружающим, заканчивается «божьем гневом». «Вдруг ослепляющая молния сверкнула, как будто разверзлась над самой головой их огненная бездна. В эпилоге после слов О. Иллариона: «Глас Господа силен, глас Господа величествен», раздался грохот грома, и «ослепительно белое пламя наполнило келью» [2, с. 722].

В эпитет и подобных им сценах автор обращается к ассоциациям с «последним пожаром» Апокалипсиса, как бы напоминая, что слово пророка претворится в дело. Конечно, символика Апокалипсиса помогает Мережковскому ярко представить мировоззрение исторических личностей, но основная функция символики историософская. В финале романа «Антихрист (Петр и Алексей)» апостолом церкви «Третьего Завета» предстает Тихон.

Таким образом, в процессе создания концепции личностного совершенствования в стремлении к надисторическому идеалу Христа, соотношения исторического процесса с циклической историей развития общества Мережковский обращается к философии Апокалипсиса; эта мысль обогащается трактовкой и художественным оформлением образов, представляющих оппозицию Христос – Антихрист и претерпевающих существенную трансформацию на пути к божественной истине; интерпретируя христианские и старообрядческие представления об Апокалипсисе, писатель создает универсальные символы (дух-плоть, Христос-Антихрист, сверхчеловек-богочеловек), вводит в текст трилогии реминисцентно-аллюзивные темы и образы, относящиеся к разным пластам культуры.

Литература

1. Мережковский, Д.С. Записная книжка 1891 г. / Мережковский Д.С. // Пути и миражи русской культуры: сб. ст. / Рос. АН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: В. Е. Багно (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: Северо-Запад, 2004. – 509 с.
2. Мережковский, Д.С. Собр. соч.: в 4 т. // Д.С. Мережковский. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – 764 с.
3. Мережковский, Д.С. Собр. соч.: в 4 т. // Д.С. Мережковский. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – 591 с.
4. Центральный государственный архив литературы и искусства. – Ф. 1275. Оп. 1. Д. 609. Л. 14.
5. Центральный государственный архив литературы и искусства. – Ф. 1301. Оп. 7. Д.223. Л. 27.